14. Türk dünyası ‘Türk tarihi’ dersinde buluşacak // Anadolu Ajansı. 03.04.2018 [Electronic resource]. URL: https://aa.com.tr/tr/egitim/turk-dunyasi-turk-tarihi-dersinde-bulusacak-/1106708 (accessed: 23.03.2018).

15. Türk Keneşi Gümrük İdareleri Başkanları 4. Toplantısı Bişkek’te Yapıldı // Beyaz Gazete. 03 Temmuz 2015 [Electronic resource]. URL: http://beyazgazete.com/haber/2015/7/3/turk-kenesi-gumruk-idareleri-baskanlari-4-toplantisi-biskek-te-yapildi-2764676.html (accessed: 21.03.2018).

16. Türk Üniversiteleri Birliği 3. Genel Kurulu Açılış Töreni Bişkek`te gerçekleştirilmiştir [Electronic resource]. URL: http://www.turkkon.org/tr-TR/turk-universiteleri-birligi-3-genel-kurulu-acilis-toreni-biskek%60te-gerceklestirilmistir/3/54/54/4677 (accessed: 22.03.2018).

Рукопись поступила в редакцию 14 июня 2018 г.

УДК 327(510:532) + 327(5-011)

Г. Н. Валиахметова
М. А. Герман

ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ: СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ КИТАЙСКО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена анализу роли и места Саудовской Аравии в ближневосточной политике КНР. Авторы раскрывают особенности становления и развития двусторонних отношений во второй половине XX — начале XXI в., выявляют факторы, определяющие основные направления и динамику сотрудничества двух стран. Особое внимание уделяется методам реализации национальных интересов КНР на Ближнем Востоке, а также анализу позиции Пекина по ряду ключевых региональных проблем. Авторы приходят к выводу о том, что присущие внешней политике КНР прагматизм и гибкость позволяют Пекину балансировать на противоречивых интересах ключевых участников ближневосточной политики и получить доступ к энергетическим ресурсам региона для обеспечения потребностей динамично развивающейся китайской экономики. Работа выполнена в рамках системного подхода с применением методов политических и исторических исследований.

Ключевые слова: КНР, Саудовская Аравия, Ближний Восток, стратегическое партнерство, внешняя политика.

Введение

Ближний Восток играет исключительно важную роль во внешней политике КНР в силу его выгодного географического положения и внушительных запасов углеводородов, способных удовлетворить возрастающие потребности интенсивно развивающейся экономики современного Китая. Вместе с тем данный регион остается самым нестабильным в мире, что априори препятствует полноценному включению ближневосточных стран в систему международного сотрудничества. В этой связи политическую и академическую актуальность приобретает вопрос

© Валиахметова Г. Н., Герман М. А., 2018

об особенностях выстраивания отношений КНР с ключевыми игроками ближневосточного геополитического пространства, в числе которых Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Исследование специфики истории развития китайско-саудовских отношений и их современного состояния приобретает исключительную практическую значимость не только в свете перманентного ухудшения военно-политической обстановки на Ближнем Востоке. Выходя на новые измерения внешней политики, китайское руководство продвигает идею о новом возвышении Поднебесной и трансформации ее в «ответственную великую державу». В сложном и противоречивом процессе встраивания КНР в международные экономические и политические отношения в качестве одного из новых центров силы Пекин отводит Саудовской Аравии особую роль.

Возрастающий интерес Поднебесной к Саудовскому королевству обусловлен рядом факторов. Во-первых, это государство обладает самыми крупными в мире высококачественными нефтяными ресурсами и имеет сильные позиции в Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), что позволяет оказывать влияние на конъюнктуру мировых цен на нефть. Во-вторых, КСА — один из региональных «тяжеловесов» (наряду с Ираном, Турцией и Израилем), действия которого в значительной степени определяют политический климат на Ближнем Востоке. В-третьих, Саудовская Аравия — один из ключевых игроков на Арабском Востоке и в мусульманском мире, влиятельный участник ряда международных организаций: Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и др. Арабский мир является для КНР восьмым по величине торговым партнером, крупнейшим экспортным рынком, седьмым по величине источником импорта товаров [32, *4–5*].

Осмысление истории становления и развития межгосударственных связей КНР и КСА позволяет ответить на вопрос, почему Пекину и Эр-Рияду удалось не только преодолеть идеологические разногласия, которые на протяжении 40 лет препятствовали взаимному дипломатическому признанию двух стран, но и вывести свои отношения на уровень стратегического партнерства, причем в рекордно короткие исторические сроки. Данная статья также является попыткой внести определенный вклад в научные и политические дискуссии о целевых установках внешней политики КНР и методах ее реализации на различных этапах исторического развития страны и в условиях современности.

Комплексный характер ближневосточной политики КНР предопределил применение в данной работе общенаучных, а также традиционных методов исторических и политических исследований в рамках системного и многофакторного подходов. Источниковой основой работы стали материалы сайтов МИД КНР и информационных агентств, позволяющие проанализировать нормативно-правовую базу китайско-саудовского взаимодействия и выявить его специфику. В работе также использованы публикации китайских, арабских, российских и американских экспертов, посвященные различным аспектам политики КНР на Ближнем Востоке.

Специфика взаимодействия КНР и КСА в условиях биполярного мира

Саудовское королевство первым из арабских государств установило дипломатические отношения с Китаем в 1939 г., но Вторая мировая война не позволила перевести их в практическую область. Подписанный 15 ноября 1946 г. Договор о дружбе тоже не получил продолжения в связи с начавшейся в Китае Гражданской войной [7, *3*]. Вместе с тем позитивный опыт взаимодействия с правительством Чан Кайши способствовал тому, что КСА в числе немногих государств мира официально признало Китайскую Республику на Тайване легитимным представителем китайской нации. Политическому сближению Тайбэя и Эр-Рияда, кроме того, способствовали наличие общего союзника в лице США и идеологическая несовместимость с коммунистической КНР, ориентировавшейся на сотрудничество с СССР. Стремление Тайваня к развитию связей с КСА также объясняется значимой ролью саудовской нефти в обеспечении энергетической безопасности острова (порядка 40 % нефтяного импорта). Поэтому саудовское направление являлось ключевым в ближневосточной политике Тайбэя, но последняя имела ограниченные масштабы в силу преимущественной ориентации общей внешней политики Тайваня на США [23].

КНР, как и Тайвань, тоже остро нуждалась в международном признании, и ее внешняя политика также формировалась исходя из интересов национальной безопасности. Пекин, первоначально взявший курс на сотрудничество с СССР, довольно быстро осознал уязвимость КНР в условиях биполярной системы и преимущества международной поддержки со стороны третьего мира, где набирали силу национально-освободительные движения. Первой дипломатической победой Китая на этом пути стала Конференция стран Азии и Африки в Бандунге 1955 г., когда в основу ее итоговой декларации легли предложенные премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем «пять принципов мирного сосуществования» [1], которые отражали основные положения стратегии расширения связей КНР с внешним миром. Конференция положила начало активному включению КНР в международные политические и экономические процессы, в том числе на Ближнем Востоке. Интерес Пекина к данному региону в то время был обусловлен не только его внушительным нефтяным потенциалом, но и стратегическим расположением на стыке Европы, Азии и Африки. Контроль недружественных Китаю великих держав над этими территориями расценивался китайскими лидерами как серьезная угроза безопасности страны, поэтому они призывали к невмешательству внешних сил в дела региона и оказывали поддержку местным политическим движениям антиимпериалистической направленности. В результате уже в 1956 г. три ближневосточных государства — Сирия, Йемен и Египет — обменялись дипмиссиями с КНР. Однако для КСА и КНР разнонаправленность их идеологий и внешнеполитических стратегий в условиях холодной войны стала серьезным препятствием для сближения [23; 33, *13*].

Разворот во внешней политике Пекина, который в 1969 г. окончательно рассорился с Москвой и взял курс на нормализацию отношений с Вашингтоном, позволил КНР совершить прорыв на международной арене. В 1971 г. КНР стала

полноправным членом ООН и постоянным членом Совета Безопасности ООН, заняв в этой ведущей международной организации место Тайваня как единственного законного представителя китайской нации. Рост значимости Китая в мировой политике и установление дипломатических отношений с США в 1979 г. способствовали стремительному продвижению КНР на Ближний Восток [16, *3*].

С начала 1970-х гг. идеологические барьеры уже не являлись непреодолимым препятствием для развития двусторонних связей КНР и КСА, поскольку теперь арабские режимы рассматривались Пекином как основная сдерживающая сила советского влияния на Ближнем Востоке [5]. Кроме того, несмотря на то, что коммунистические лидеры Китая продолжали считать Саудовское королевство теократической монархией феодального типа, Пекину импонировала способность Эр-Рияда проявлять независимость в принятии внешнеполитических решений. Так, в 1950–1960-е гг. представители КСА в ООН сохраняли нейтралитет в вопросах статуса Тайваня в ООН, признания КНР агрессором в Корейской войне и других международных инициатив США антикитайской направленности. В свою очередь, в англо-саудовском споре о территориальной принадлежности оазиса Бурайми 1951–1974 гг. КНР поддерживала КСА как государство, противостоящее империализму и справедливо отстаивающее свои суверенные права. Пекин также высоко оценивал роль Эр-Рияда в организации исламистского сопротивления вводу советских войск в Афганистан в 1979 г. [23].

В конце 1970-х гг. КНР в рамках политики реформ открытости стала активно налаживать связи с КСА, используя методы, которые продемонстрировали свою эффективность в процессе выстраивания конструктивного сотрудничества как с миром Запада, так и со странами Африки и Латинской Америки. Развитие неофициальных личных контактов на уровне спортсменов, журналистов, представителей мусульманского духовенства и деловых кругов внесло существенный вклад в формирование атмосферы доверия между КНР и КСА. Пекин восстановил паломничество китайских мусульман в Мекку и Медину; стал финансировать реконструкцию мечетей, издание Корана и хадисов; санкционировал взаимодействие Всекитайской ассоциации мусульман с Организацией Исламская конференция (с 2011 г. — ОИС. — *Г. В., М. Г.*), делегация которой сопроводила свой первый визит в Китай в 1981 г. щедрым пожертвованием в 500 тыс. долл. В том же году саудовские бизнесмены приняли участие в Кантонской торговой ярмарке, открыв для китайских товаров двери на саудовский рынок. Дипломатические реверансы Пекина в поддержку саудовских инициатив в вопросе арабо-израильского урегулирования подготовили почву для первых межгосударственных контактов на высшем уровне. В октябре 1981 г. на полях международного форума в Канкуне (Мексика) состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна с наследным принцем Фахдом. Годом позже в составе арабской делегации «Комитета семи» Пекин посетил министр иностранных дел КСА принц Сауд аль-Фейсала, который стал первым саудовским государственным деятелем, официально принятым в КНР [4, *201–202*; 23].

В начале 1980-х гг. начинает формироваться новая внешнеполитическая доктрина КНР, которая вплоть до сегодняшнего дня остается концептуальной основой

возрастающей активности Пекина на мировой арене. Приоритетной целью внешней политики Китая стало обеспечение благоприятных внешних условий для форсированной модернизации страны [5]. Соответственно динамичное развитие связей КНР с мусульманским миром в этот период в первую очередь объясняется возрастающими энергетическими потребностями набиравшей обороты китайской экономики. Повышение роли энергетического фактора в ближневосточной политике КНР также было обусловлено истощением крупнейшего в Китае нефтяного месторождения Дацин, а также ограничением доступа к нефтяным ресурсам Юго-Восточной Азии (в связи с военными и гражданскими конфликтами в Индокитае) и СССР (в связи с китайско-советским расколом).

Дестабилизация военно-политической обстановки в зоне Персидского залива в связи с Ирано-иракской войной (1980–1988) запустила процесс форсированного наращивания военной мощи Саудовского королевства. После отказа США увеличить военные поставки Эр-Рияд переориентировался на закупку китайского оружия. Инициированное КСА военно-техническое сотрудничество с КНР также логично вписывалось в политику реформ Дэн Сяопина: военный экспорт обеспечивал стране приток валюты, необходимой для оплаты нефтяного импорта. Развитие экономических связей с Эр-Риядом приносило Пекину и весьма существенные политические дивиденды, способствуя охлаждению отношений между КСА и Тайванем [23].

К 1989 г. Саудовская Аравия оставалась единственным ближневосточным государством, сохранявшим дипломатические отношения с Тайванем и воздерживавшимся от дипломатического признания КНР [Там же]. Возросший авторитет Китая на международной арене и стремительный рост его экономического потенциала на фоне распада биполярного мира способствовали прорыву в китайско-саудовских отношениях. Обмен торговыми миссиями и подписание двустороннего Меморандума о взаимопонимании в 1988 г. запустили финальную фазу процесса взаимного признания, завершившегося 21 июля 1990 г. установлением дипломатических отношений между КНР и Саудовским королевством.

Особенности сотрудничества КНР и КСА в постбиполярную эпоху

Отличительной чертой нового этапа в развитии китайско-саудовских отношений стали многочисленные контакты на высшем уровне, которые способствовали продвижению взаимовыгодных экономических связей. Так, в 1990 г. при непосредственном участии Председателя КНР Цзян Цзэминя и короля Саудовской Аравии Фахда ибн Абдул Азиза Аль-Сауда была учреждена межгосударственная Комиссия по экономическому, торговому и техническому сотрудничеству. Открытие в 1997 г. Обществ китайско-саудовской дружбы расширило двустороннее взаимодействие в сфере образования, культуры и информации [3, *202*].

В 1999 г. состоялся первый в истории визит китайского лидера в Саудовскую Аравию. В ходе переговоров под председательством Цзян Цзэминя, короля Фахда и наследного принца Абдаллы были подписаны многочисленные соглашения и документы, в том числе Меморандум о взаимопонимании в сфере энергетики,

который перевел энергетическое сотрудничество двух стран на уровень стратегического партнерства [4, *204*; 7, *4–5*]. Пекин и Эр-Рияд, кроме того, согласовали условия запуска проектов строительства в КСА крупного нефтеперерабатывающего завода стоимостью 1,5 млрд долл. и поставок саудовской нефти в Китай в объеме 10 млн т ежегодно на протяжении ближайших 50 лет. Взаимопонимание в энергетической сфере придало импульс двустороннему военному сотрудничеству: китайская сторона выразила готовность поставить в КСА межконтинентальные баллистические ракеты дальностью до 5,5 тыс. км, однако под давлением Вашингтона Эр-Рияд был вынужден отказаться от этой сделки [4, *204*].

В 1990–2000 гг. общая стоимость китайско-саудовской торговли возросла на 643 %, а объем нефтяных поставок КСА в КНР увеличился на 6721 % [7, *2*]. В 2000-х гг. энергетическое сотрудничество становится основным вектором взаимодействия Китая и Саудовской Аравии. В 2004 г. китайская нефтехимическая корпорация *Sinopec* выиграла тендер на разработку газового месторождения в КСА, обойдя американских конкурентов [19]. В 2005 г. КСА стала главным нефтяным поставщиком Китая (22,2 млн т), а объем двусторонней торговли превысил 16 млрд долл. [34, *159*]. Развитие связей с КСА, являющейся системообразующим элементом ССАГПЗ, способствовало продвижению китайских энергетических интересов в странах Персидского залива. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве и свободной торговле, подписанное КНР и ССАГПЗ в 2005 г., гарантировало бесперебойность нефтяных поставок из зоны Залива, а также снижало таможенные тарифы и упрощало передвижение товаров, капиталов и услуг [4, *205*].

Январь 2006 г. ознаменовался первым в истории китайско-саудовских отношений визитом саудовского короля Абдаллы в Пекин. Спустя три месяца в ходе ответного визита в Саудовскую Аравию Ху Цзиньтао выразил готовность к дальнейшему всестороннему развитию «стратегического партнерства» КНР и КСА в рамках концепции «гармоничного развития Ближнего Востока» [16, *3*]. В 2008 г. КНР и КСА подписали коммюнике «Об укреплении китайско-саудовских отношений и усилении стратегического сотрудничества». Важный вклад в поддержание атмосферы доверия был внесен Саудовской Аравией в мае 2008 г., когда Эр-Рияд пожертвовал 60 млн долл. на ликвидацию последствий разрушительного землетрясения в Сычуане, оказав Пекину самую крупную финансовую помощь [34, *159*]. Визит Ху Цзиньтао в Эр-Рияд в 2009 г. не только активизировал китайско-саудовский диалог в энергетической, медицинской, образовательной и других сферах, но и придал импульс развитию связей КНР с арабскими странами в многосторонних форматах ЛАГ, ОИС, ССАГПЗ и Форума китайско-арабского сотрудничества [26]. В 2013 г. Пекин включил арабский мир в свою новую экономическую инициативу «Один пояс — один путь» [25], и уже через год на Китайско-арабском форуме был представлен первый проект [31]. В 2015 г. товарооборот между КНР и КСА достиг 5,17 млрд долл. и удвоился за первый квартал 2016 г. [26].

Особое значение для развития китайско-саудовских отношений имел визит Си Цзиньпина в Эр-Рияд в рамках ближневосточного турне 19–23 января 2016 г.

(К этому времени новый лидер Китая уже посетил все регионы мира, кроме Ближнего Востока; запланированный на весну 2015 г. дипломатический тур Си Цзиньпина был отложен в связи с началом военной кампании КСА против хуситов и дестабилизацией ситуации в регионе.) Стороны подписали совместное Коммюнике о всестороннем стратегическом партнерстве, а также 15 соглашений о сотрудничестве в различных областях, в том числе в рамках проекта «Один пояс — один путь» [26]. *Sinopec* и саудовская национальная нефтегазовая корпорация *Saudi Aramco* утвердили план расширения совместного нефтеперерабатывающего завода «Ясреф», крупнейшего китайского проекта в регионе. Инвестиционное взаимодействие распространилось на атомную энергетику: к 2022 г. КНР обязалась построить в КСА первую АЭС и еще 15 — к 2032 г.; сумма проекта составила 2,43 млрд долл. [10]. Значимость нового направления сотрудничества КНР и КСА — в ядерной энергетике — подчеркнул визит саудовского наследного принца Мухаммеда бен Салмана в Пекин в августе 2016 г., в ходе которого стороны также подписали 15 соглашений и меморандумов о взаимопонимании в различных сферах [21]. В рамках обсуждения совместных ядерных проектов саудовский министр энергетики Халид аль-Фалих выразил готовность поддержать инициативы Китайской национальной корпорации по атомной энергетике в области научных исследований и разработки ядерных технологий, добычи урана и строительства АЭС [6]. На новый уровень вышло и военно-техническое сотрудничество: КСА стала первой арабской страной, закупившей новейшие разработки КНР — дроны «Винг Лунг» [20].

Взаимовыгодный характер китайско-саудовских отношений и их роль в глобальных процессах современности были отмечены на саммите G-20 в сентябре 2016 г. Стратегическая программа модернизации КСА «Vision-2030», ориентированная на постепенный переход страны в постнефтяную эру, в том числе путем развития высоких технологий, органично вписывается в китайскую инициативу «Один пояс — один путь». Кроме того, успех реформ Мухаммеда бен Салмана может оказать позитивное влияние не только на мировую экономику, но во многом определить вектор развития исламского фактора мировой политики [13].

2016 год был отмечен активным продвижением китайско-саудовского диалога также в рамках многосторонних форматов взаимодействия КНР с арабскими странами. В ходе вышеупомянутого ближневосточного турне Си Цзиньпина была согласована Дорожная карта сотрудничества КНР и ЛАГ [27]. 12 мая 2016 г. в Дохе КНР и ЛАГ подписали Договор о сотрудничестве, который зафиксировал общность позиций государств-участников по вопросам региональной безопасности, урегулирования палестинской проблемы, ядерного нераспространения, противостояния терроризму и др. [30]. В июне Китайско-арабский форум утвердил совместный План действий на 2016–2018 гг. [29].

В ходе визита вице-премьера Госсовета КНР Чжана Гаоли в Эр-Рияд в августе 2017 г. было подписано свыше 60 соглашений в сфере инвестиций, торговли, энергетики, массмедиа и т. д. на сумму порядка 70 млрд долл. В числе новых совместных инициатив — проекты опреснения морской воды с использованием высокотемпературных газоохлаждаемых реакторов, развития технопарка

в Джизане и строительства электростанции в западном прибрежном городе Рабиг [11, 12, 14].

Новые черты приобретает и стратегическое партнерство двух держав в энергетической сфере. После включения юаня в корзину мировых валют китайская национальная валюта используется в двусторонней торговле КНР с Пакистаном, Ираном, Турцией, Россией и рядом других стран. Теперь и Эр-Рияд рассматривает возможность перевода части расчетов за нефтяной экспорт в китайские юани в целях сокращения дефицита госбюджета. Если примеру саудитов последуют другие нефтедобывающие страны Персидского залива, юань со временем может стать реальной альтернативой доллару США как глобальной резервной валюте. Серьезную обеспокоенность в Вашингтоне вызывает и намерение китайских нефтегазовых гигантов *PetroChina* и *Sinopec* приобрести 5 % акций *Saudi Aramco*. И хотя этой доли недостаточно для продвижения нефтеюаней, она тем не менее может стать чувствительным инструментом воздействия Пекина на Эр-Рияд [9, 15, 22].

Сдерживающие факторы развития китайско-саудовских отношений на современном этапе

Высокий конфликтный потенциал Ближнего Востока, нестабильность военно-политической обстановки в регионе, соперничество КСА и Ирана за региональное лидерство, активное вмешательство внерегиональных игроков в ближневосточные дела — эти и другие факторы создают целый комплекс препятствий для Пекина, выстраивающего систему взаимовыгодных связей со всеми ближневосточными странами.

«Арабская весна», охватившая Большой Ближний Восток в 2011–2013 гг., продемонстрировала относительно слабый политический вес КНР в региональной системе международных отношений. Несмотря на впечатляющие результаты экономической экспансии, Китай оказался не готов играть активную роль в ближневосточной политике в силу своей жесткой приверженности принципу невмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также из-за опасений вызвать негативную реакцию нефтяных монархий Персидского залива в случае поддержки Пекином массовых протестных настроений в арабском мире. Существенный экономический урон, нанесенный китайским компаниям в период «арабского пробуждения», по сути, свидетельствовал об отсутствии у Китая эффективных политических и военных инструментов для защиты своей глобальной бизнес-империи. Это вынудило Пекин поставить вопрос о внесении корректив в свои внешнеполитические принципы и взять курс на превращение КНР в сильного внерегионального игрока на Ближнем Востоке [2, 24]. Статус постоянного члена СБ ООН и дружественные отношения с ведущими региональными державами, в первую очередь с соперничающими между собой Саудовской Аравией и Ираном, и облегчают, и в то же время осложняют решение этой довольно непростой для Китая задачи. Дипломатический тур Си Цзиньпина по Ближнему Востоку в январе 2016 г. с посещением суннитских стран (КСА,

Египет) и шиитского Ирана подчеркнул нейтральную позицию КНР в межконфессиональных конфликтах в регионе.

Одним из самых затяжных региональных конфликтов остается палестино-израильское противостояние, которое в последние десятилетия приобрело тупиковый характер. Китай последовательно отстаивает законное право палестинского народа на самоопределение и выступает за всестороннее мирное урегулирование проблемы на международно-правовой основе, включающей соответствующие резолюции СБ ООН и Арабскую мирную инициативу. Помимо дипломатической поддержки Пекин оказывает Государству Палестина, находящемуся на стадии формировании, существенную финансовую помощь. Политика КНР в палестинском вопросе по многим параметрам совпадает с позицией КСА и Ирана (Эр-Рияд и Тегеран отстаивают право палестинцев на самоопределение, но в отношении Израиля КСА последние годы придерживается более умеренной позиции, в то время как Иран продолжает призывы «стереть Израиль с лица земли»), но не находит понимания со стороны Израиля и США [17].

Так же последовательно КНР выступала в СБ ООН против антииранских санкций, считая ядерную программу Ирана исключительной мирной экономической инициативой. Позиция Пекина не омрачает его отношения с Эр-Риядом (который усматривает в ядерных амбициях шиитского Ирана прямую угрозу суннитам), поскольку КНР активно включилась в создание атомной отрасли в Саудовском королевстве. О прагматическом подходе КНР и КСА к вопросам двусторонних отношений свидетельствует и Сирийский кризис, в котором Пекин и Эр-Рияд остаются по разные стороны баррикад без ущерба для взаимного сотрудничества. Конфликт в Сирии с ее географическим расположением в центре Ближнего Востока и угроза фрагментации страны по иракскому и ливийскому сценариям не оставляют шансов на реализацию китайского проекта Нового Шелкового пути. Поэтому Пекин, в отличие от КСА, поддерживает правительство Б. Асада и призывает к урегулированию Сирийского кризиса мирными средствами под эгидой ООН в рамках международного права [32].

В Йеменской войне КНР выступает в защиту законного правительства, которому КСА оказывает военную поддержку, в противоположность Ирану, отстаивающему права хуситов. Схожесть позиций Пекина и Эр-Рияда в Йеменском кризисе в значительной степени обусловлена тем, что обе страны уже получили с него внушительные дивиденды, и прежде всего — права на строительство собственных военных баз в Джибути. Для Китая эта первая зарубежная военная база является звеном в «нити жемчуга» — опорных пунктов экономической экспансии от Южно-Китайского моря до Северной Африки. Активное строительство вдоль этой линии военной инфраструктуры КНР в первую очередь нацелено на обеспечение безопасности нефтяных поставок, жизненно важных для китайской экономики. Однако данная стратегия усугубляет и без того сложные отношения в треугольнике КНР — США — КСА, в связи с чем развитие китайско-саудовских отношений происходит с определенной оглядкой Пекина и Эр-Рияда на США [8, 18].

Заключение

Политика КНР на Ближнем Востоке обусловлена интересами национальной безопасности, спецификой международных отношений и раскладом сил на глобальной и региональной аренах. В условиях холодной войны разнонаправленность внешнеполитических приоритетов, приверженность различным концепциям государственного строительства и идеологические противоречия стали серьезным препятствием для продвижения китайско-саудовского взаимодействия, которое тем не менее развивалось в формате неофициальных личных и групповых связей по инициативе и при негласной поддержке руководства КНР. Возросший авторитет Китая на международной арене и стремительный рост его экономического потенциала на фоне распада биполярного мира способствовали углублению и расширению китайско-саудовского сотрудничества, что сформировало благоприятные условия для взаимного дипломатического признания КНР и КСА в 1990 г.

В постбиполярном мире отношения Пекина и Эр-Рияда демонстрируют впечатляющую динамику развития. В двусторонней повестке дня доминируют экономические, прежде всего энергетические, интересы, на реализацию которых по сути и нацелены другие направления взаимодействия в сфере политики, культуры, науки и образования, религии и т. д. В свою очередь, прочный политический фундамент и атмосфера доверия между КНР и КСА позволили вывести отношения двух держав на уровень стратегического партнерства, в основе которого лежат интересы взаимовыгодного энергетического сотрудничества.

Нестабильность военно-политической обстановки в регионе вынуждает КНР балансировать на противоречивых интересах многочисленных акторов ближневосточной политики. Соперничество за лидерство на Ближнем Востоке между двумя региональными «тяжеловесами» — Саудовской Аравией и Ираном — усугубляет и без того сложную военно-политическую обстановку в регионе и создает целый комплекс препятствий для Пекина, выстраивающего систему взаимовыгодных связей со всеми ближневосточными странами. Сбалансированная политика Китая на Ближнем Востоке обусловлена стремлением Пекина избежать вовлечения в региональные конфликты или оказаться в открытой конфронтации с Вашингтоном. Об эффективности действий китайской дипломатии свидетельствует, например, тот факт, что и Саудовская Аравия, и Иран, несмотря на свои геополитические противоречия, заинтересованы в увеличении политического участия КНР в региональных делах, в том числе в качестве противовеса США. Выстраивание Китаем стратегического диалога с Саудовским королевством, одним из двух главных (наряду с Израилем) региональных союзников Вашингтона, способствует росту китайско-американского соперничества, которое, однако, носит скрытый характер и вряд ли выйдет на уровень открытого противостояния. Соответственно политика КНР на Ближнем Востоке в целом, и на саудовском направлении в частности, в обозримой перспективе вряд ли выйдет за рамки выстроенной к настоящему времени системы сдержек и противовесов, взаимных уступок и компромиссов, позволяющих Пекину успешно решать вопросы

экономической модернизации КНР путем развития взаимовыгодных отношений с ближневосточными странами.

1. Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству. 24 апр. 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168321 (дата обращения: 19.04.2018).

2. Китай и арабские революции // Forbes. 01.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.forbes.ru/sobytiya-opinion/rynki/77050-kitai-i-arabskie-revolyutsii (дата обращения: 10.04.2018).

3. *Мухина С. В.* Стратегия энергетической безопасности Китая // Общество и государство в Китае. М., 2007. С. 307–311.

4. *Пахомова М. А.* Китай и Саудовская Аравия**:** история взаимодействия и перспективы сотрудничества (1980–2010) // Общество и государство в Китае. М., 2012. С. 201–209.

5. Политика Китая в арабских странах // Strategy Links. 12.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.strategy-links.com/news/china_uae_1.html (дата обращения: 15.04.2018).

6. 15 pacts to boost Sino-Saudi ties // Saudi Gazette. 31.08.2016 [Electronic resource]. URL: http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/15-pacts-boost-sino-saudi-ties/ (accessed: 27.04.2018).

7. *Al-Tamimi N.* China — Saudi Arabian Relations. Economic Partnership or Strategic Alliance. Durham, 2012.

8. *Braude J.* Why China and Saudi Arabia Are Building Bases in Djibouti // The World Post. 14.08.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.huffingtonpost.com/joseph--braude/why--china--and--saudi--arabi_b_12194702.html (accessed: 12.04.2018).

9. China offers to buy 5 percent of Saudi Aramco directly: sources // Reuters. 16.10.2017 [Electronic resource]. URL: https://uk.reuters.com/article/uk-saudi-aramco-ipo-china/exclusive-china-offers-to-buy-5-percent-of-saudi-aramco-directly-sources-idUKKBN1CL1WX (accessed: 12.04.2018).

10. China strengthens economic relations with the Middle East // Saudi Gazette. 03.02.2016 [Electronic resource]. URL: http://saudigazette.com.sa/business/china-strengthens-economic--relations--with--the--middle--east/ (accessed: 12.04.2018).

11. China, Saudi Arabia agree to build energy cooperation mechanisms // Xinhua. 25.08.2017 [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-08/25/c_136554476.htm (accessed: 10.04.2018).

12. China-Saudi Arabia cooperation to enter more fruitful era, broad consensus reached on key projects // Xinhua. 25.08.2017 [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-08/25/c_136554724.htm (accessed: 12.04.2018).

13. Economic ties with China a key positive measure // Saudi Gazette. 11.09.2016 [Electronic resource]. URL: http://saudigazette.com.sa/opinion/economic-ties-china-key-positive-measure/ (accessed: 12.04.2018).

14. *Gao C.* Closer Ties: China And Saudi Arabia Sign $70 Billion in New Deals // The Diplomat. 27.08.2017 [Electronic resource]. URL: https://thediplomat.com/2017/08/closer-ties-china-and-saudi-arabia-sign-70-billion-in-new-deals/ (accessed: 15.04.2018).

15. *Gergawi M.* China Is Eyeballing a Major Strategic Investment in Saudi Arabia's Oil // Foreign Policy. 26.10.2017 [Electronic resource]. URL: http://foreignpolicy.com/2017/10/26/china-is-eyeballing-a-major-strategic-investment-in-saudi-arabias-oil/ (accessed: 12.04.2018).

16. *Ismail N. B.* The Political and Economic Relations of the People's Republic of China (PRC) and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), 1949–2010. PhD Thesis. University of Exeter, 2011.

17. Israel's International Relations: Israel-China Relations. August, 2016 [Electronic resource]. URL: http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Politics/ChinaIsraelRelations.html (accessed: 21.04.2018).

18. *Laft G.* China's New Grand Strategy for the Middle East // Foreign Policy. 26.01.2016 [Electronic resource]. URL: https://foreignpolicy.com/2016/01/26/chinas-new-middle-east-grand-strategy-iran-saudi-arabia-oil-xi-jinping/ (accessed: 11.04.2018).

19. *Mufson S.* As China, US Vie for More Oil Diplomatic Friction May Follow // The Washington Post. 15.04.2006 [Electronic resource]. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/14/AR2006041401682.html (accessed: 12.04.2018).

20. Saudi Arabia buys high-tech China drones // Arab News. 01.09.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.arabnews.com/node/978446/saudi-arabia (accessed: 27.04.2018).

21. Saudi Arabia, China seal 15 deals // Arab News. 29.08.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.arabnews.com/node/977551/saudi-arabia (accessed: 27.04.2018).

22. Saudis may seek funding in Chinese yuan // Reutres. 24.08.2017 [Electronic resource]. URL: https://www.reuters.com/article/us-saudi-china/saudis-may-seek-funding-in-chinese-yuan-idUSKCN1B413R (accessed: 11.04.2018).

23. *Wang T. Y.* Competing for friendship: The two Chinas and Saudi Arabia. [Electronic resource]. URL: http://www.thefreelibrary.com/Competing+for+friendship%3A+the+two+Chinas+and+Saudi+Arabia.-a015016927 (accessed: 14.04.2018).

24. *Yellinek R.* China's New Position on the Middle East // The Bejin-Sadat Center for Strategic Studies. 11.09.2016 [Electronic resource]. URL: http://besacenter.org/perspectives-papers/363-yellnik-chinas-new-position-middle-east/ (accessed: 12.04.2018).

25. 中国政府发布首份对阿拉伯国家政策文件，新华网 (Китайское правительство опубликовало первую часть доклада о политике в арабском мире // Агентство Синьхуа). 13.01.2016 [Electronic resource]. URL: http://news.xinhuanet.com/2016-01/13/c_1117766467.htm (accessed: 17.04.2018).

26. 中国同沙特阿拉伯的关系, 外交部(Китайско-саудовские отношения // МИД КНР. Июль 2016) [Electronic resource]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/ (accessed: 19.04.2018).

27. 外交部长王毅谈习近平主席访问沙特、埃及、伊朗和阿盟总部, 外交部 (Министр иностранных дел КНР Ван И о визите Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, Египет, Иран и штаб-квартиру ЛАГ // МИД КНР) [Electronic resource]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/xgxw_676866/t1334451.shtml (accessed: 19.04.2018).

28. 联合国投票通过巴勒斯坦为观察员国, BBC 中文网 (ООН проголосовала за принятие Палестины в качестве страны-наблюдателя // BBC). 12.11.2012 [Electronic resource]. URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/world/2012/11/121129_un_palestine_vote.shtml (accessed: 23.04.2018).

29. 中国–阿拉伯国家合作论坛2016年至2018年行动执行计划, 外交部 (План действий Китайско-арабского форума сотрудничества на 2016–2018 гг. // МИД КНР). 23.06.2016 [Electronic resource]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/dqjbzjhy/t1374586.htm (accessed: 15.04.2018).

30. 中国–阿拉伯国家合作论坛第七届部长级会议多哈宣言, 2016年5月12日 多哈, 外交部 (Седьмое совещание на уровне министров Китайско-арабского форума сотрудничества. Доха, 12 мая. 2016 г. // МИД КНР) [Electronic resource]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/wjk/bzjhywj/dqjbzjhy/t1374608.htm (accessed: 17.04.2018).

31. 习近平出席中阿合作论坛第六届不长级会议开幕式并发表重要讲话, 新华网 (Си Цзиньпин посетил Китайско-арабский форум сотрудничества и выступил с речью на церемонии открытия Шестого совещания министров // Агентство Синьхуа). 05.06.2014 [Electronic resource]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-06/05/c_1111002498.htm (accessed: 19.04.2018).

32. 田文林:《中国在伊朗的利益评估》，载《国际研究》(*Тянь Вэньлинь.* Оценка интересов Китая в Иране // Международ. исслед. 2014. Авг.). С. 4–5.

33. 吴冰冰：《从中国与海湾八国关系的发展看"中阿合作论坛"》，载《阿拉伯世界研究》(*У Бинбин.* Китайско-арабский форум сотрудничества с точки зрения развития отношений между Китаем и восемью государствами Персидского залива // Исследования арабского мира. 2011. Янв.). С. 10–18.

34. 伍庆玲：《从不同视角分析中国和阿拉伯国家关系的发展变化》，载《西亚非洲》(*У Цинлин.* Анализ эволюции китайско-арабских отношений с другого ракурса // Западная Азия и Африка. Пекин, 2012). С. 155–160.

Рукопись поступила в редакцию 01 июня 2018 г.